

Элисса Тур

Развод.

Новые инопланетные
отношения

Элисса Тир

**Развод. Новые
инопланетные отношения**

«Литнет»

2026

Тир Э.

Развод. Новые инопланетные отношения / Э. Тир — «Литнет», 2026

Олю бросил муж. Она осталась на улице с двумя детьми. Коле десять лет, а Наташе восемь. И Оля, не зная, куда податься, едет в глухую деревню, где ей в наследство достался дом от бабушки. Тот такой же разваленный, как и жизнь Оли. Она попытается его восстановить и встать на ноги. Только вот на голову ей неожиданно падает не крыша, а космический корабль с израненным инопланетянином. Сможет ли Оля найти в себе силы восстановить дом, свою жизнь и здоровье инопланетянина? И к чему это все приведет?

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Глава 2. Вместо крыши – небо	8
Глава 3. Деревенское «выживание»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1. Точка невозврата

Оля стояла на лестничной площадке и смотрела на дверь, которая только что захлопнулась за её спиной. Звук получился глухой, чугунный, без права на возвращение.

Два пакета с вещами стояли у ног. В одном кое-какая одежда и документы, Наташкин любимый плюшевый заяц с оторванным ухом и Колина коллекция камешков, которую он собирал с трёх лет. В другом три банки огурцов, пачка макарон, полбуханки хлеба и луковица.

Она смотрела на дверь и не могла поверить, что это происходит на самом деле. Ещё вчера утром за завтраком они созванивались с мужем, а на фоне дети спорили из-за последнего бутерброда. Обычное утро обычной семьи. Муж в командировке и обещает скоро вернуться. Говорить, как скучает по ней и по детям.

А теперь дверь заперта, ключи забрала хозяйка квартиры и не удосужила развалившуюся семью даже снисходительным взглядом.

Оля до последнего надеялась, что это сон. Что муж одумается. Что это какая-то глупая шутка.

Но когда вышла на площадку с пакетами и дверь захлопнулась за спиной, поняла, наконец, что всё взаправду.

Двенадцать лет брака. Двое детей. Кредит на машину. Бессонные ночи, когда Наташка болела отитом. Первый Колин пятак за контрольную. Совместные шашлыки по майским. Всё коту под хвост.

– Мам, а дальше куда? – Коля стоял, прислонившись плечом к стене, и старательно изображал взрослого. Десять лет – серьёзный возраст, между прочим. Он смотрел не на мать, а куда-то в сторону, на облупившуюся краску на стене. Чтобы она не увидела в его глазах того же, что сама чувствовала.

Оля моргнула. Раз, другой. Третий. В горле застрял ком, который невозможно было проглотить.

– Мам? – Наташа дёрнула её за руку сильнее. Восемь лет, тонкие косички, веснушки на носу и совершенно детское непонимание происходящего. – А тетя сказала, что мы теперь не будем здесь жить. А где мы будем?

Тетя сказала.

Очевидно, потому что папа не смог сам этого сказать.

Оля сжала губы так сильно, что они побелели. Папа, который уехал в командировку две недели назад и не вернулся. Папа, который прислал вчера вечером эсмэску. Сухую, как прошлогодняя трава: «Оль, я не приеду. У меня другая семья. За квартиру не платил три месяца, завтра придет хозяйка. Прости, так вышло».

Так вышло.

Оля перечитала это сообщение раз двадцать, надеясь, что смысл изменится, что буквы сложатся в другие слова. Но нет. Всё было именно так, как написано. Он не приедет. У него другая семья. Квартиру не оплатил. Прости.

Прости.

За двенадцать лет она осталась с одной только эсмэской «прости». Она поэтому и вещи не собрала еще вчера вечером, потому что не верила, что это может быть правдой. Да и кто бы в такое поверил?

– Мам, ты чего молчишь? – Коля наконец посмотрел на неё. Взгляд серый, колющий, как ёрш. – Папа нас бросил, да?

– Бросил, – кивнула Оля. Сын уже большой. Врать ему бесполезно, только доверие потеряешь окончательно. – Квартира съёмная, он не платил три последних месяца. Мы не можем здесь больше жить.

– А вещи наши? – Наташка всхлипнула. – Мои игрушки? Книжки?
– Потом заберём, – пообещала Оля, хотя сама не знала, когда и как. – Сейчас главное – уйти.

– А куда? – Наташка дёргала руку. – К бабушке?

– Бабушки нет, Наташ.

Это было самым страшным. Мама умерла пять лет назад. Сердце, скорая, реанимация, и всё. Папа три года спустя, словно не мог без неё. Инфаркт на огороде. Оля тогда приезжала хоронить, продала их домик за бесценок, потому что срочно нужны были деньги на бизнес мужа.

Осталась одна. Совсем одна, если не считать этих двоих, которые сейчас смотрели на неё и ждали, что мама Оля знает, что делать.

Оля не знала.

Она перебирала в голове варианты. К подруге Ленке? У той однушка, сама с мамой и ребёнком, не впихнуть. К Серёжиным родителям? Те на дух её не переваривали, считали, что это она сына испортила. В ночлежку? С детьми?

В кармане куртки зашуршала бумажка. Оля машинально сунула руку, нащупала сложенный вчетверо конверт, пожелтевший по краям. Достала, развернула.

Письмо пришло полгода назад. Какая-то дальняя родственница из деревни, о существовании которой Оля и не подозревала, писала, что бабушка Агафья, мамина двоюродная сестра, умерла и оставила Оле дом. Если Оля захочет, конечно. А если нет – так и так, деревня мрёт, никому тот дом не нужен.

Оля тогда сунула письмо в карман и забыла. Дом в глухой деревне? С двумя детьми? Без работы? Бред.

А теперь?

– Есть одно место, – сказала Оля медленно, сама не веря в то, что говорит. – Деревня. Заборовка называется. Там у нас дом от двоюродной бабушки остался.

– Дом? – Наташкины глаза загорелись сквозь слёзы. – Настоящий? Деревянный? С печкой?

– С печкой, – кивнула Оля, хотя понятия не имела, что там за печка. Может, и печки никакой нет. Может, там одни развалины.

– А далеко? – Коля нахмурился. – Мне в школу надо.

– В школу... – Оля прикусила губу. – В деревне наверняка школа есть. Маленькая, но есть.

– А если нет?

– Значит, будем ездить в районную. – Она старалась говорить уверенно, чтобы дети не видели её страха. – Коль, пошли. До электрички час, успеем, если поймаем попутку до станции.

Она не обернулась, выходя из подъезда. Не посмотрела на окна четвёртого этажа, где ещё вчера висел Наташкин рисунок – солнце, дом, мама, папа и две фигурки поменьше. Наверное, тот рисунок так и остался висеть. Ну и пусть.

На улице было холодно. Апрель только начинался, снег почти стаял, но ветер пробирал до костей. Оля на ходу застегнула куртку Наташке, Коля справился сам. Он теперь всегда старался все делать сам.

Попутка попалась быстро. Мужик на старой «буханке», вез пустые ящики из-под овощей обратно на станцию. Увидел тётку с двумя детьми и пакетами, притормозил.

– Садитесь, подброшу. Далеко?

– До вокзала, – Оля впихнула детей в салон, залезла сама.

В машине пахло бензином, капустой и собачьей шерстью. Наташка прижалась к матери, Коля уставился в окно. Мужик молчал, только покосился на них в зеркало заднего вида, но вопросов задавать не стал.

На вокзале Оля купила билеты до станции Заборовка. Триста рублей, последние деньги, что были в кошельке. Электричка оказалась старой, синей, с облупившейся краской на скамейках и запахом солянки и сырости. Они забрались в последний вагон, сели у окна. Наташка прижалась к матери, Коля устался в стекло.

Поезд дёрнулся и поплыл мимо платформ, многоэтажек, гаражей, пустырей. Город кончился быстро, потянулись поля, чёрные, мокрые, с редкими островками нерастаявшего снега в оврагах.

– Мам, – Коля не оборачивался. – А папа к нам вернётся?

Оля помолчала. Погладила Наташку по голове, заправила выбившуюся прядку за ухо.

– Нет, Коль. Не вернётся.

– А почему?

– Потому что люди иногда ломаются. Не как игрушки, по-другому. Внутри. И становятся не теми, кем были. Или просто оказывается, что они никогда не были теми, кем казались.

– А мы? – Наташка подняла голову. – Мы не ломаемся?

Оля посмотрела на неё. В эти доверчивые глаза, на веснушки на носу, в тонкие косички, которые заплела вчера днем, ещё не зная, как всё изменится. Посмотрела на Колю напряжённого, сжавшегося, но старающегося держаться.

– Мы? Мы нет. Мы крепкие. Нас голыми руками не возьмёшь.

Коля хмыкнул, но не отстранился, когда Оля притянула его к себе и обняла второй рукой.

Так они и ехали – втроём, прижавшись друг к другу, в последнем вагоне электрички, уносящей их из прошлой жизни в ту, где ничего не было, кроме адреса на пожелтевшем конверте.

Ждет ли Олю с детьми там хоть что-то?

Глава 2. Вместо крыши – небо

Станция, где они сошли, оказалась бетонной платформой посреди поля. Ни вокзала, ни касс, ни даже скамейки. Только ржавый фонарный столб и табличка с названием, которое Оля прочитала уже в три часа дня, когда они выгрузились с двумя пакетами и замерзающим ребёнком.

– Здесь? – Коля огляделся с плохо скрываемым ужасом. – Мам, тут ничего нет.

– Деревня дальше, – Оля вытащила конверт, перечитала. – «От станции по дороге на запад, через поле и лес, три километра». Очевидно, пешком.

– Три километра? – Наташка захныкала. – Я устала. Я есть хочу. И пи-пи.

– Наташ, вон там кустики, сходи пока мы стоим. С остальным нужно потерпеть. – Оля вздохнула, подхватила пакеты.

Наташка сбегала в придорожные кусты, вернулась чуть повеселевшая. Оля перекинула лямки пакетов через плечо, чтобы освободить руки, и с детьми двинулась по разбитой грунтовке.

Дорога и правда оказалась грунтовкой, разбитой тракторами и лесовозами, с глубокими колеями, полными воды, и лужами, которые приходилось обходить по обочине, увязая в грязи. Поле чернело влажной пахотой, пахло землёй, прелой травой и свободой, что ли. Вдали темнела полоска леса.

Наташка плелась, спотыкаясь и хныча. Коля молчал, но по лицу было видно, что он тоже на пределе. Губы сжаты, брови нахмурены, но держится, мужчина. Оля тащила пакеты и молилась, чтобы этот дом вообще существовал. Чтобы было куда прийти. Чтобы не пришлось ночевать в чистом поле.

Лес встретил их сыростью и тишиной. Сосны и берёзы стояли голые, но набухшие почки уже обещали зелень. Дорога вильнула между стволов, пошла под уклон, потом снова в гору. Где-то застрекотала сорока, ей ответила вторая.

У Оли уже заныли плечи, руки онемели от тяжести пакетов, ноги гудели, но она не останавливалась. Нельзя останавливаться. Если остановишься, то сядешь и не встанешь.

– Вон! – Коля вдруг рванул вперёд, показывая рукой. – Трубы видно! И крыши!

Оля прибавила шаг, насколько позволяли пакеты, и вышла из леса на пригорок.

Деревня раскинулась внизу, в ложине, у небольшой речки. Две улицы, домов тридцать, не больше. Добротные пятистенки с резными наличниками соседствовали с полуразвалившимися избами, заколоченными окнами смотревшими на мир слепо и безнадежно. Кое-где из труб вился дымок, там топили печи.

– Красиво, – сказала Наташка неожиданно. – Как в сказке.

Оля сглотнула комок в горле. И правда, красиво. Если не думать о том, что жить здесь предстоит им.

– Пошли искать наш дом.

Они спустились в деревню, прошли по главной улице, считая номера. Пятый, седьмой, одиннадцатый. А вот и семнадцатый. Крайний дом у самого леса, на отшибе.

Их дом.

От него действительно веяло безнадёгой.

– Это наш? – Наташка остановилась, разглядывая покосившееся крыльцо, забитые фанерой окна, провалившуюся крышу, заросший бурьяном двор.

– Наш, – голос Оли сел.

Дом был старый, бревенчатый, с резными наличниками, которые когда-то красили голубым. Краска слезла кусками, резьба местами сгнила, одна ставня висела на петле. Крыльцо

стояло криво, две ступеньки отсутствовали совсем. Огород зарос бурьяном в человеческий рост: сухие стебли торчали, как частокол.

– Ого, – только и сказал Коля.

– Ого, – эхом отозвалась Наташка.

Оля подошла к калитке, толкнула ее. Та жалобно скрипнула и упала. Просто снялась с петель и рухнула в крапиву, едва не придавив Олины ноги.

– Твою ж дивизию, – выдохнула Оля.

– Мама ругается! – тут же доложила Наташка неизвестно кому.

– Замолчи, – беззлобно огрызнулся Коля. – Мам, а жить тут можно вообще?

Оля не знала. Она перешагнула через упавшую калитку, пробралась сквозь бурьян к крыльцу, осторожно наступила на нижнюю ступеньку. Та выдержала, только скрипнула жалобно. Верхняя тоже выдержала, хотя Оля ступала на неё с замиранием сердца. Дверь оказалась заперта на здоровенный амбарный замок, весь в рыжих подтёках ржавчины. Оля подёргала. Он висел крепко, просто так не снять.

– Замок надо сбивать, – сказала она, разглядывая это богатство. – Чем бы...

– Эй! – раздалось сзади. – Вы кто такие?

Оля вздрогнула и обернулась.

За упавшей калиткой стояла бабка. Невысокая, сухонькая, в ватнике и резиновых сапогах, с палкой в руке. Глаза смотрели цепко, оценивающе, но без злобы.

– Я... – Оля запнулась. – Я Оля. Внучка двоюродная. Мне дом по наследству отошёл.

Бабка прищурилась, оглядела Олю, потом детей, потом пакеты. Наташка спряталась за материнскую спину, Коля наоборот выступил вперёд, заслоняя сестру.

– Внучка, значит. А я Зинаида, соседка. Через два дома от вас живу. – Она махнула палкой куда-то в сторону. – А это чего вы со шмотками? Жить собрались? Тут, что ли?

– Собрались, – Оля сглотнула комок в горле. – А больше негде.

Зинаида помолчала. Потом вздохнула, оперлась на палку.

– Ну, пойдемте пока к нам, чай, не совсем чужие люди. – Она кивнула на дом. – Мужик-то где?

– Нет мужика, – коротко ответила Оля.

– Понятно, – Зинаида кивнула так, будто это объясняло всё. – Пошли, говорю. Мой Матвей хоть замок собьёт да печку посмотрит, а то как ночь будет на дворе, а вы с детьми на улице.

Коля дёрнулся было возразить. Он уже не дитё, но Оля перехватила его взгляд и покачала головой. Помощь сейчас нужна любая, гордость потом.

Дом Зинаиды оказался тёплым, пахнущим пирогами и сушёными травами. Словно в гостях у родной бабушки. Чистые половики на полу, герань на подоконниках, старая советская стенка с хрусталём, телевизор в углу накрыт салфеточкой.

Дед Матвей, коренастый старик с длинной бородой и руками, похожими на корни старого дерева, молча выслушал жену, крикнул, взял ломик, кувалду и ушёл сбивать замок. Вернулся через полчаса:

– Открыл. Печка там цела. За домом раньше хорошо следили. Труба прогорела маленько, но починить можно. Крыша дырявая, это да. Завтра гляну, что сделать можно.

– Спасибо вам, – Оля едва сдерживала слёзы. – Я отработаю, честное слово. Я всё умею – убирать, стирать, готовить, с огородом помогу.

– Работать всегда успеешь, – Зинаида поставила на стол три кружки с горячим чаем и тарелку пирожков с капустой. – Ешьте давайте. Дети вон синие совсем, продрогли. А завтра с утра и начнёте.

Наташка уже клевала носом, привалившись к материному боку, но при виде пирожков оживилась и схватила сразу два. Коля боролся со сном, но тоже жевал.

– А вы давно здесь живёте? – спросил он у деда Матвея, чтобы поддержать разговор.

– Да уж годов шестьдесят, поди, – дед усмехнулся в усы. – Я тут родился, женился, детей вырастил, внуков понянчил. Теперь вот доживаем с Зинаидой.

– А дети где?

– В городе. В Саратове дочка, в Москве сын. Редко приезжают, всё некогда им.

Зинаида вздохнула, промокнула глаза кончиком платка.

– Ладно, чего уж. Жизнь такая.

– Оставайтесь у нас сегодня, – Зинаида не спрашивала, утверждала. – Матвей, тащи одеяла, раскладушку.

Ночью Оля лежала на скрипучей раскладушке, слушала, как сопит Наташка на кровати рядом, как посапывает Коля на топчане у печки, и думала. О том, что дом, на который были все надежды, разваливается. О том, что денег нет. О том, что детей кормить нечем. О том, что она одна, совсем одна, и если не справится, то пропадут все.

А потом вспомнила глаза деда Матвея. Спокойные, без жалости, но с готовностью помочь. И как Зинаида сказала: «Чай, не чужие».

Может, не всё так плохо.

Может, выкарабкаются.

Думаете, они справятся?

Глава 3. Деревенское «выживание»

Первая неделя в Заборовке превратилась в бесконечный марафон.

Оля вставала в пять утра, потому что петухи у соседей орали так, что и мертвый подымет. Будила детей, тащила их в дом к Зинаиде завтракать, потому что у самих ни еды, ни посуды толком не было. Потом бежала в свой «особняк», разбирать завалы, чистить, мыть, выносить мусор.

Дом оказался классической деревенско-бабушкиной вселенной. В углах пыль. В чулане – банки, банки, банки, пустые, с остатками солений, с пауками внутри, с мутными рассолами. На чердаке сундук с тряпьем, старые прялки, ржавые серпы, вязанки сушёных трав, которые пахли так, что кружилась голова. Половицы скрипели и прогибались под ногами, печка задымила при первой же растопке, крыша текла в трёх местах.

– Мам, – Коля заглянул в дверь, – тут мыши! Я видел! Здоровенные!

– Не трогай их, они сами уйдут, – Оля выгребала из-под лавки гору газет пятидесятилетней давности, пыльных, пожелтевших, рассыпающихся в руках. – Лучше помоги доски из сарая перетаскать, дед Матвей сказал, что пол надо менять.

Коля вздохнул, но пошёл. Наташка крутилась под ногами, таскала в ведёрке мелкий мусор, находила всякие бабушкины сокровища: старые пуговицы, открытки с цветочками, пожелтевшие фотографии незнакомых людей, и рассуждала о том, где здесь можно устроить кукольный домик.

Вечером третьего дня в гости пришла Зинаида. Оглядела фронт работ, покачала головой.

– Оля, слушай сюда. Так дело не пойдёт. Ты тут одна с двумя оглоедами маешься, а у меня дел не впрокорот. Давай так: ты мне помогаешь по дому да по огороу, а я тебе продуктами и рассадой. Матвей крышей займётся, ему всё равно делать нечего на старости лет, только ругается, что я его пилю.

– Зинаида Петровна, – Оля даже растерялась. – Я ж не знаю, как у вас тут всё устроено.

– Научишься, – отрезала соседка. – Баба ты молодая, крепкая, не барыня какая. Руки есть, голова на плечах, а значит, всё получится. Завтра с утра приходи, будем картошку перебирать да рассадку пикировать.

Так и закрутилось.

Оля полола морковь у Зинаиды, мыла полы, стирала бельё в старой стиральной машине «Малютка», таскала воду из колодца, чистила хлев, кормила кур и коз. Взамен получила трёх пёстрых несушек, которые поселились в сарае и сразу начали нестись, будто знали, что их ждали. Получила рассадку помидоров, огурцов, перцев, кабачков. Всё это надо было сажать в своём огороде, который ещё предстояло вскопать. Получила мешок картошки: на еду и на посадку, мешок лука-севка, семена моркови и свёклы.

Дед Матвей чинил крышу. Молча, сосредоточенно, матерясь сквозь зубы, когда доски ломались или гвозди гнулись, когда лезвие топора соскальзывало. Коля таскал ему инструменты, подавал доски, держал лестницу, и постепенно между ними возникло что-то похожее на мужскую дружбу.

– Ты смотри, – говорил дед, показывая, как ровно прибивать тёс. – Чтобы на совесть. Криво сделаешь, так ветром сдует, водой зальёт, зимой замёрзнете. А зимой у нас знаешь какие морозы? За сорок бывает.

– Ага, – Коля кивал, сосредоточенно сопя, прикусывая язык от усердия. – А вы долго с бабой Зиной живёте?

– Пятьдесят лет. Восьмого мая будет ровно полвека.

– Ничего себе! – Коля даже гвоздь заколачивать перестал. – И не ругаетесь?

– Ругаемся, – дед хмыкнул, поправил кепку. – Куда ж без этого. Но миримся потом. Жизнь она длинная, Колька. Выживать вдвоём надо уметь. А без ссор не бывает, это нормально.

– А мои родители ругались, а потом папа нас бросил, – Коля сказал это буднично, но дед Матвей заметил, как дрогнули его пальцы.

– Бывает, – сказал он спокойно. – Не все мужики башкой думают. Некоторые другим местом. Ты не бери пример, ты смотри, как я с Зинаидой. Мы хоть и ругаемся, а вместе. Понял?

– Понял, – Коля кивнул и забил гвоздь с особой тщательностью.

Наташка в это время пропадала у Зинаиды. Бабка учила её печь пирожки: тесто месить, начинку заворачивать, защипывать красиво. Показывала, как кур кормить, как яйца собирать, чтобы курица не клевала, как козу доить. Наташка боялась рогатую, но ей было жутко интересно. По вечерам они сидели на лавочке у дома, лузгали семечки и смотрели, как садится солнце за лесом, окрашивая небо в розовый и золотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.